

Ненависть, которой не было

Ши Лю обычно ложался спать очень рано. С тех пор как Ли Юньхуань начал неотступно следовать за ним, наблюдая за каждым его движением, он заметил, что матушка очень легко утомляется.

Впрочем, он это понимал. Жить бок о бок с таким человеком, как Ли Чуйхань, — немудрено, что душа устаёт.

Ли Юньхуань взял у служанки платок, смочил его и осторожно протёр лицо Ши Лю, который сидел на краю кровати, погружаясь в дрему.

Он с упоением наслаждался этим мгновением тепла и уюта. Годы не оставили на лице матушки ни единого следа, он всё так же был юн и прекрасен.

Ли Юньхуань с обожанием смотрел на него. Каждое движение юноши было исполнено нежности, он боялся потревожить сон Ши Лю. Он помнил, как в детстве матушка так же заботилась о нём.

Но сам младший господин был полон энергии. Когда Ши Лю умывал его, он не мог отвести от него восторженного взгляда, чем порой приводил матушку в замешательство. Жаль только, что таких безмятежных мгновений у них было немного.

При этой мысли ненависть Ли Юньхуаня к Ли Чуйханю вспыхнула с новой силой.

В те времена Ши Лю всё ещё был погружён в глубокую печаль. Он мог целыми днями не выходить из своей комнаты, никого не желая видеть и ни с кем не разговаривая.

Сколько бы способов ни придумывал Ли Чуйхань, какие бы ухищрения ни применял, Ши Лю оставался неприступен.

Ли Юньхуаня, чьё присутствие почти не замечали, поселили в одной из комнат на заднем дворе, к счастью, не слишком далеко от покоев Ши Лю и его супруга.

Хотя после переезда в поместье мальчик ни в чём не нуждался, его воспитанием по-прежнему никто не занимался. Он был словно талисман, которого Ли Чуйхань время от времени выводил в свет, когда это было необходимо.

Так прошёл ещё год. Болезнь Ши Лю усугублялась. Иногда у него случались видения, он часто не мог отличить сон от реальности.

Ли Юньхуань порой видел, как тот внезапно появлялся в каком-нибудь уголке двора и говорил с пустотой, произнося обрывочные, бессвязные фразы:

— Ухуэй? Это я... я сделал что-то не так?

— Почему ты молчишь?

— Я сдержал обещание и пришёл к тебе. Ты не рад?

— Мне так горько.

— Так горько, что я вот-вот умру.

У него было мало возможностей видеться с Ши Лю. Иногда матушка выходила на прогулку, и если Ли Юньхуаню случалось его встретить, он считал это большой удачей и просто смотрел издали.

Хотя чаще всего, не успевал Ши Лю сделать и нескольких шагов, как примчавшийся по первому же известию Ли Чуйхань уводил его обратно.

Но Ли Юньхуань всё равно радовался, когда двор наполнялся ароматом присутствия матушки.

Детские воспоминания Ли Юньхуаня не были счастливыми, но благодаря Ши Лю та их часть, что была связана с ним, навсегда осталась в его памяти, и он прокручивал её снова и снова.

Слёзы Ши Лю, его запах, его объятия — возможно, лишь одно случайное движение заново сотворило плоть и кровь юноши.

— Мама...

Ли Юньхуань посмотрел на Ши Лю, уснувшего в его объятиях, прижался к его лицу и ласково потёрся щекой.

Наклонившись к самому уху, он прошептал:

— Я твой самый любимый, правда?

«Хочу, чтобы мои кости были разбиты в прах и заново созданы тобой»

«Хочу, чтобы в моих жилах текла только твоя кровь. В этой жизни я желаю быть лишь твоим»

ребёнком»

То, что он не мог навечно стать частью Ши Лю, никогда не отделяясь от его тела, навсегда останется величайшим горем Ли Юньхуаня. Все страдания, перенесённые им в прошлом, не могли сравниться с этой болью.

«Если однажды у Ши Лю появится собственный ребёнок...» — подумал Ли Юньхуань.

«Нет, этого не будет. В мире не может существовать никого, кто был бы ближе к Ши Лю, чем я»

«Если у матушки и родится родное дитя, то этим дитя могу быть только я»

Ли Юньхуань съест этот кусок плоти. Ревность и ненависть лишали его рассудка, и он с презрением думал:

«Если таким способом в моём теле прибавится хоть капля кровной связи с Ши Лю, то рождение этого ребёнка — не такая уж плохая затея»

Уложив Ши Лю спать, Ли Юньхуань закрыл дверь и вышел. Чтобы не тревожить покой матушки, ему нужно было разобраться с ещё одной проблемой.

Войдя в кабинет, он, как и ожидал, увидел Ли Чуйханя — всего в снегу, с бледным от холода лицом.

Тот взял у слуги полотенце и, не обращая внимания на вошедшего, принялся вытирать воду. Ли Юньхуань не удержался от презрительной усмешки.

Ли Чуйхань сощурился и недружелюбно спросил:

— Чему смеёшься?

«Опять довёл его, теперь, небось, места себе не находишь от страха, а всё туда же, делаешь вид, что ничего не случилось», — подумал Ли Юньхуань.

Но внешне он оставался невозмутим и с притворной почтительностью ответил:

— Не знаю почему, но сегодня матушка вернулась одна и даже поделила со мной ужин. Вспомнил об этом, и на душе стало так радостно, что я невольно улыбнулся.

Ли Чуйхань и без того был не в духе, а вид этого сына, который намеренно язвил, выводил его из себя ещё больше.

Но сегодня маркиз и вправду был виноват. Он поступил необдуманно, не позаботившись о чувствах Суйюю.

Зная, что Юй'эр не любит такие сборища, он всё равно заставил его пойти. А сам, чтобы поехать с ним в одной карете, даже не взял зонт. Теперь ему пришлось пешком возвращаться из Имперского города, и винить в этом было некого.

От одной мысли, что он снова расстроил Ши Лю, Ли Чуйхань приходил в отчаяние.

Единственным утешением было то, что слуги отдали зонт Суйюю. Если бы Ши Лю промок под снегом и простудился, Ли Чуйхань себе этого никогда не простил бы.

Сам он замёрзнет за одну ночь — и ничего страшного. Но если Юй'эр промокнет, он тут же заболит.

Он хотел показать Ши Лю этим людям, особенно старому лису Фу Юэцину. Хотел похвастаться перед теми, кто вечно строил ему козни при дворе, какая у него прекрасная супруга, какая счастливая семья. Хотел, чтобы эти старики, у которых собственная жизнь не удалась и которые не давали жить другим, лопнули от зависти.

«Смотрите! На первый взгляд мы — непримиримые враги, бьющиеся не на жизнь, а на смерть. Но на самом деле у меня счастливая семья, я молод, успешен, и у меня есть божественно прекрасный супруг. Неужели вы и впрямь думаете, будто мне нечем заняться, кроме ваших интриг?»

Но в пылу он забыл, что Ши Лю не выносит этих аристократов, забыл, что в такой обстановке ему будет неуютно.

Поначалу Ши Лю ничего не говорил. Ли Чуйхань, увидев, что супруг сидит за столом, уставленным его любимыми блюдами, успокоился и пошёл задирать Фу Юэцина.

Не успел он уйти, как Ши Лю окружила толпа чиновников. Они подходили, что-то мямлили, произнося бессвязные речи. Господин опустил глаза, чувствуя знакомую усталость и безысходность.

Опять.

— Госпожа маркиза воистину небесной красоты. Как же вышло, что вы вышли замуж за такого человека, как маркиз Ли?

— Госпожа маркиза давно не появлялась в свете. Вы нездоровы? Вам что-то не по нраву на сегодняшнем пиру?

— Я слышал, госпожа увлекается поэзией. Я — новый Чжуанъюань. Не окажете ли вы мне честь составить компанию, чтобы вместе насладиться весенним пейзажем и слагать стихи? Что может быть прекраснее?

Ши Лю было неприятно, но он стерпел. Чего он только не наслушался за эти годы?

Он вежливо отклонил все предложения, но толпа, видя, что Ли Чуйхань в другом конце зала увлечён перепалкой с Фу Юэцином, продолжала тесниться вокруг него, пытаясь привлечь к себе внимание.

Вдруг из толпы вышел юноша в красном. Скрестив руки на груди, он с презрением посмотрел на окруживших Ши Лю и усмехнулся:

— Всего лишь сын торговца. Стоит ли так перед ним заискивать?

Все переглянулись, не понимая, что он имеет в виду.

Юноша растолкал стоявших перед ним и подошёл прямо к Ши Лю. Оглядев его с ног до головы, он сказал:

— Я слышал, супруга маркиза Чаньин — сын богатого купца из Янчжоу. Сначала говорили, что он приехал в столицу сдавать экзамены, но каким-то образом умудрился забеременеть от маркиза. А маркиз, чтобы спасти свою честь, был вынужден на тебе жениться.

Он впился взглядом в опущенные глаза Ши Лю и резко спросил:

— Госпожа, это правда?

Ши Лю, услышав это, никак не отреагировал. Лишь когда выпад был направлен прямо на него, он поднял голову и с улыбкой посмотрел на юношу. Все затаили дыхание, ожидая, что тот начнёт оправдываться.

Но Ши Лю лишь вздохнул и спокойно признал:

— Да, это так. Это моя история, моё прошлое. Я всё признаю.

Толпа ахнула и зашептала.

Они смотрели на лицо Ши Лю и вдруг подумали, что за этой ангельской внешностью скрывается коварный и расчётливый ум. А они-то считали его утончённым и прекрасным, словно сошедшим с небес небожителем. Воистину, внешность обманчива.

Сын купца стал законным супругом маркиза Чаньин — это было невысказано. Что пришлось сделать Ши Лю, чтобы добиться этого, никто не знал.

Особенно учитывая, что в то время Ли Чуйхань только что отстранил от власти императорскую семью и сосредоточил в своих руках всю полноту власти, став практически князем-регентом. Его супруга в будущем могла стать императрицей.

Вероятно, Ши Лю, зная это, и подстроил всё, чтобы выйти за него замуж.

Но разве сын торговца может быть императрицей?

Все решили, что Ли Чуйхань был ослеплён красотой. Похоже, прославленный и гениальный князь-регент в этом ничем не отличался от простых смертных.

Пока они перешёптывались, Ши Лю быстро доел остатки ужина и собрался уходить.

— Господин, раз я ответил на все ваши вопросы, могу я удалиться?

Юноша в красном решил, что тот, будучи разоблачённым, хочет сбежать, и самодовольно ответил:

— Можешь, уходи.

Глядя на удаляющуюся фигуру Ши Лю и его слуг, он с удовлетворением вернулся на своё место.

<http://bllate.org/book/15976/1441530>